

КНИЖНАЯ ПОЛКА АЛЬБИНЫ НУРИСЛАМОВОЙ

127

Казалось бы, совсем недавно (на самом деле, два года назад) я рассказывала в своей рубрике о новых книгах Ахата Мушинского и Бориса Вайнера – и вот замечательные авторы снова встретились на моей книжной полке. Время летит быстро, не меняется одно: высокий уровень художественного мастерства, который оба писателя демонстрируют во вновь изданных сборниках

Увидеть земную любовь...

о прозе Ахата Мушинского

Нередко писатель, прежде активно публиковавшийся, создавший ряд масштабных, значимых произведений, со временем отходит от сочинительства. То ли появляется ощущение, что главное уже сказано, то ли страшно повториться, то ли просто исписался.

К Ахату Мушинскому эта максима отношения не имеет. Никакого творче-

ского выгорания, никакого почивания на лаврах! Он не только возглавляет крупнейшее в Татарстане авторитетное издание «Казанский альманах», не только зажигает на литературном небосклоне новые «звёзды» и опытной рукой редактирует тексты многочисленных авторов, но и находится в превосходной писательской форме. Что и доказывает в очередной раз.

Иренка

АХАТ МУШИНСКИЙ

На протяжении нескольких лет в каждом выпуске «Казанского альманаха» появлялись рассказы Ахата Мушинского, и вот, наконец, все они выпущены отдельной книгой. Кроме того, в сборник «Иренка», увидевший свет в Татарском книжном издательстве буквально месяц назад, вошли рассказы более раннего периода, а также повесть «Прогулка за эдельвейсами» и два эссе.

Писать рассказы – особое, не всем подвластное искусство. В большом романе можно спрятать некоторые шероховатости и несоответствия, отсутствие логики в сюжетном повороте или плохо прорисованного персонажа. В рассказе же всё на виду: он скорее и безжалостнее обнажит авторскую слабость, скудность речи, непрофессионализм.

Ахат Мушинский относится к редкому числу писателей, которые одинаково уверенно чувствуют себя в любом материале – и в крупной, и в малой

прозе. К его текстам, что называется, не подкопаешься, настолько грамотно выстроены сюжеты, точны метафоры и убедительны герои.

Творческий почерк Мушинского узнаётся безошибочно. Автор идёт своим путём, при этом продолжая традиции русской классической литературы. Модный сегодня «рваный» стиль повествования, словесные и композиционные «выверты», жертвование содержанием в угоду форме, «рубленость» фразы – всё это абсолютно не характерно для его произведений.

Прозе этого писателя присущи умеренность интонации и глубина погружения – в образ, в сюжет, в эпоху. Вслед за автором читатель тоже ныряет в текст с головой, причём скользить по строчкам беглым взглядом не получается. Воздействие поистине магическое: ты начинаешь размышлять, задаваться вопросами, примеривать ту или иную ситуацию на себя, смакуя при этом каждое слово.

Автор убеждён, что человек, его судьба и характер находятся в прямой зависимости от социальной жизни, от людей, которые его окружают, но в то же время ему интересны герои, которые обладают настолько сильным самознанием, что совершают, вопреки всему, нетривиальные, выбивающиеся из привычного событийного ряда поступки.

Писатель любит героев необычных, сильных, с чудинкой, со странностями. В таких на генетическом уровне вшито чувство правды, которое они несут по жизни, не роняя и не предавая. Порой им трудно вписаться в современные реалии, нет в них ни рассудочности, ни практичности, ни желания подломить под себя окружающих, ни стремления подстроиться под общий ритм самим. Они беспокойны и часто смешны, и автор сочувствует им, сожалея, что порода эта – вымирающая.

В меру своей доброты и ума такие персонажи решают разные проблемы, вовлекаются в конфликты и, не всегда выходя победителями, умудряются при этом найти свою дорогу.

Сулейман, герой рассказа «Миссия», который с детства постоянно «задавался вопросом правильности еды, поступков, всяких сколь-нибудь значимых действий», гениальный математик и человек «не от мира сего» оказался казначеем преступной группировки и получил травму головы.

Оправившись, Сулейман наконец-то обрёл смысл и цель, которую искал всю жизнь. И пусть цель эта выглядела абсурдной в глазах всех «нормальных» людей, Сулейман, которого поддерживала любимая Марфа, был счастлив в своей «ненормальности». Отказавшись от престижной математической премии, отвергнув предложение читать лекции в университете, бросив группировку, он повиновался видению, которое велело ему «идти и копать».

Семь долгих лет бессмысленного с точки зрения обыденного понимания труда... Что нужно копать? Чего искать в земле и зачем?! Но разве у всех «нормальных» людей есть достойный смысл жизни? Разве он лишь в том, чтобы вкусно есть, дорого одеваться, наживать добро, карабкаться по карьерной лестнице, толкаться локтями, пробиваясь к тёплому креслу?.. Кто же в итоге нормален?

Хрустальная чистота языка, ясность и стилистическая прозрачность текстов Ахата Мушинского создают ложное ощущение того, что идея рассказа понятна с первого взгляда. Поначалу думаешь, вот же она – как на ладони. А потом вчитываешься – и обнаруживаешь ещё один смысловой пласт, и второй, и третий.

Например, «Пути светлы» – это бытовой рассказ про бабу Катю, которая хочет попасть в райцентр на приём к «глазнику» в надежде, что он ей «прежних глаз вернёт»? Или история про двух одиноких, покинутых людей, которые никому не нужны, и отсутствия которых никто не заметит? Или речь про то, что зрячий – не всегда тот, кто хорошо видит без очков?..

Многоплановые, выразительные произведения Мушинского всегда ис-

кренни и как-то по-особому свежи. Ах, как хорош давший название сборнику рассказ «Иренка»! Насколько же убедительной вышла история зарождавшейся, но почему-то не сложившейся любви польской девушки и солдата-срочника, который в начале 70-х служил на погранзаставе!

«Нет, не могу её забыть. Сколько лет прошло! – а не могу», – так начинается рассказ, и взволнованные читатели тоже не могли понять, отчего же герой, отслужив в армии, не вернулся к своей «панночке». Знаю, автора постоянно спрашивали: автобиографический ли это рассказ? И, что бы он ни говорил в ответ, были убеждены: конечно, не без этого, слишком точны детали, достоверны описания событий, произошедшие с героем рассказа, слишком совпадают они с биографией писателя.

Моё мнение: всё тут исполнено правды: и голубоглазая Иренка с её «пшеничными прядями» и нежным, «журчащим» голосом; и дурацкий случай, когда герою поручили красить пограничные столбы, а он в результате заплутал, попал в бурю, оказался с раненой ногой на польской стороне; и обвинения в дезертирстве, и благополучное спасение...

Рассказы Мушинского философичны, но при этом не перегружены многословными рассуждениями. В них нет «умничанья» – но бьётся живое чувство, ставятся вопросы, на которые заставляет отвечать сама жизнь.

Герой рассказа «Это сладкое слово «месть» произносит слова, которые кажутся мне своеобразным лейтмотивом сборника, выражая главную цель пребывания человека в подлунном мире: «Мы заглядываем в их лица, и каждый, как и я, хочет, наверное, увидеть в них свою земную любовь». Поиск любви – к женщине, мужчине, ребёнку, Богу, себе самому, творчеству – вот зачем люди, в сущности, приходят на этот свет.

Одна из ключевых тем в творчестве писателя – тема чести и достоинства. Герои по-разному защищают себя и близких от посягательств: кто-то достаёт финский нож, чтобы пырнуть им подло-

го обидчика своей возлюбленной («Это сладкое слово «месть»), кто-то «прикладывает» тарелку с салатом к лицу девицы, что крутит шашни с её законным мужем («Янтарная сережка»). Этот эпизод приведу почти целиком – очень уж здорово написано:

«Коньячок, как боженька по груди моей босыми ножками прошёлся. Мягонько так!.. Вторым пунктом я левой рукой взяла тарелку с салатом, вложила в правую, как диск в кисть дискобола, и со всего маху – как это сказать? – приложила ей в левую щеку. Получилось несколько сильнее задуманного. Жертва моего возмездия не удержалась на стуле, села на белый пол отдраенной палубы. Тарелка всё-таки была большеватая для её кукольной щеки, салат заляпал и глаз, и лоб, и пол испачкал...»

Я упомянула о том, что авторский стиль узнаваем – но вместе с тем ни один рассказ сборника не похож на другой. Ни тематически, ни способом подачи.

Так, «Это сладкое слово «месть» написано нарочито просто, быстрым репортёрским слогом, без словесных изысков, зато с использованием грубоватых сленговых фразочек. Почему? Да потому, что именно так и должен рассказывать свою историю главный герой – «журналист,

успешный, узнаваемый», а в прошлом член преступной группировки.

А вот в рассказе «Моди, Анна и другие» писатель отошёл от привычной реалистической стилистики. Он создал необычный, с налётом гоголевской мистики и фантазмагии, но вместе с тем не отступающий от жизненной правды рассказ – лёгкий, изысканный и поистине волшебный.

Читая сборник (да и всё, что выходит из-под пера Мушинского), осознаёшь, что автор – человек высокообразованный и мыслящий. Это сквозит в каждой строке, в стилевом и лексическом многообразии, в отсылках к классической литературе и умелом использовании исторических сведений.

Приведу небольшой кусочек из рассказа «Моди, Анна и другие», чтобы проиллюстрировать свою мысль:

«– Скажи, Моди, почему у тебя все персонажи с пустыми глазами? – Я не заметил, как перешёл на «ты».

– Не все, – покривил он влажные от абсента губы. Анна же высказалась по обыкновению не сразу:

– Они не пустые, в них до краёв разлиты печаль и одиночество. – Тронула шляпу двумя тростинками пальцев, увенчанных пурпурными перьями ногтей, и как-то змеевидно, всем телом поправила на стуле. В этом её секундном движении было небесное из-

ящество, которое подтверждало правоту бесчисленных эпитетов о ней, высказанных за столетие. Недаром же зарубежные и отечественные художники дрались за возможность написать её портрет анфас и в профиль...»

Живописуя Модильяни и Ахматову, их внешность, манеры, особенности речи, вкрапляя в текст стихотворные строки, автор наполняет выдуманную историю подлинными и точными деталями. Это филигранная работа большого мастера и – скажу по секрету! – мой любимый рассказ в сборнике.

Стоит упомянуть и эссе, вошедшие в книгу. В одном речь идёт о Василии Аксёнове – оно так и называется «Василий Аксёнов и Казань».

О втором – «Уединённые прогулки по сосновой роще», хотелось бы рассказать подробнее.

Впервые появившись на страницах «Казанского альманаха», эссе вызвало широкий общественный резонанс. Сосновая роща, что раскинулась за Кизическим монастырём (где долгие годы находился районный военкомат), как узнали многие любители литературы, оказывается, тесно связана с именем Гавриила Каменева, основоположника русского романтизма и автора первой русской баллады «Громвал», которая считается предтечей «Руслана и Людмилы».

«Казань славна двумя поэтами допушкинской эпохи в русской литературе, двумя Гавриилами, двумя потомками татарских мурз – Державиным и Каменевым», – пишет Ахат Мушинский.

Только вот первого помнят и чтут, а второго подзабыли. И именно публикация эссе в «КА» пробудила, всколыхнула интерес к поэту и его творчеству.

Также многие читатели выяснили, что на месте «Парка ДК химиков» в былые времена находилось кладбище, где покоились, например, прадед Льва Толстого – Илья Андреевич Толстой, участник кругосветной экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева, ректор

Казанского университета, астроном Иван Симонов...

Прошли годы – и «Отческие гробы как языком слизнуло... Да и сама патриархальная роща сдала под натиском прогрессивной современности. С одной её стороны возвели так называемый Дворец химиков, с другой построили крытый бассейн. Неподалёку был открыт ресторан с соответствующим названием «Сосновая роща». В самой роще, точнее уже парке, появились качели-карусели... На каждый Новый год на бывшем погосте принялись ставить «лучшую» в городе ёлку, появились аттракционы, зверинцы, пивные ларьки, шашлыки... Весело жить без роду, без племени, без памяти», – горько восклицает Ахат Мушинский, и всё внутри сжимается от этих слов...

Завершить свой отзыв о книге хотелось бы, конечно, на высокой, яркой ноте – а именно, обратив внимание на обложку и иллюстрации сборника.

Художник *M. Akhat* (полагаю, внимательный читатель уже догадался, кто скрывается за этим псевдонимом!) на редкость талантливы. Женское лицо, прекрасные печальные глаза, листья-волосы, шея, посадка головы... Казалось бы, всего с десяток штрихов, несколько тонких линий на белоснежном фоне обложки – но какая выразительность!.. А лёгкие, стремительные рисунки на страницах книжки далее... Они словно визуальное продолжение рассказов автора.

Ранее в Татарском книжном издательстве выходили и книги, и выпуски «Казанского альманаха», в такой же манере оформленные этим художником. И я знаю, как и меня, многих восхищают их символическая основа и деликатность, изящество и точность.

Уверена, что небольшую (по формату), но такую объёмную, глубокую по содержанию и серьёзности поднятых тем книгу Ахата Мушинского ждёт большой и светлый путь – прекрасная «Иренка» с лёгкостью будет покорять читательские сердца!